

“В те времена укромные, теперь почти былинные”, или история одной иммиграции

7 сентября 2020 исполнилось 30 лет с момента моего вылета из аэропорта Шереметьево в Нью Йорк, т.е. со дня, поделившего мою жизнь и жизнь моей семьи на там и тут. Я давно уже хотел записать кое-какие факты более чем тридцатилетней давности, пока они еще не окончательно выветрились из моей не слишком надежной памяти. Не могу на сто процентов гарантировать, что помню все мельчайшие подробности абсолютно точно, но общий ход развития событий безусловно изложен правильно. Скромные результаты моих усилий, предназначенные в основном для родственников и знакомых, владеющих русским языком, прилагаются.

Перепрыгивая через первые 32 года моей жизни, перенесемся в 1989 г., насыщенный разнообразными событиями как в жизни Советского союза так и в моей жизни. В 1989 г. я развелся с моей первой женой Натальей Малиновской и собирался жениться на Ульяне Никулиной, с которой у меня был короткий, но очень интенсивный роман, пока мы оба еще состояли в браке. Мы были горячо влюблены друг в друга и пытались избавиться от нелюбимых супругов. Эта весьма романтическая и драматичная история закончилась в итоге нашей победой, которая впрочем далась нам совсем нелегко. Нам обоим удалось развестись с прежними партнерами и пожениться в 1990 г. (Впоследствии впрочем и этот брак распался, не выдержав сложностей иммиграции.) Летом 1989 г. Ульяна забеременела, что не упростило нашу тогда совсем нелегкую ситуацию. Осенью мы с ней и ее дочь Люба переехали жить к моей маме Тамаре Абрамовне Шапиро (да будет ей земля пухом) в квартиру на ул. Молостовых д. 15, кор. 5, кв. 135. Ульянин муж (тогда кажется еще не бывший) регулярно нас терроризировал и угрожал расправой, что-таки привело к осложнениям в беременности Ульяны. Мне очень не хотелось оставлять первой жене свою дочь Соню, но выбора в тот момент не было.

Я в то время работал чем-то типа инженера в лаборатории некоего Валентина Николаевича Данилова в отраслевом институте ВНИИ Биотехники, который я любовно называл “НИИБИ”, что хорошо рифмовалось с “не еби” и вполне отражало сущность этого заведения. Делать там ничего особенно не нужно было, хотя мы регулярно писали какие-то псевдоотчеты, а также докторскую диссертацию товарища Данилова. Я там в основном читал книжки по математике, поскольку состоял в заочной аспирантуре у знаменитого В.И. Арнольда на мехмате МГУ. Занятия математикой в полуподпольном режиме и бурная личная жизнь заполняли мое существование до краев. Я поступил в аспирантуру в 1985 г., и ее три года истекли в 1988 г. Весной 1989 г., в самый разгар бурных личных событий, я накопал текст диссертации, основанный на моих совместных с братом Мишей и Алеком Вайнштейном изысканиях. Защита, о которой я так мечтал, была назначена на четырнадцатое декабря 1989 г. Этот день вошел в историю Советского Союза, как день смерти академика А.Д. Сахарова. Но в моей жизни он оказался поворотным еще и по другой причине.

Незадолго до этого Данилов, который в принципе был неплохим, но очень взбалмошным человеком, решил, что я ему надоел, и выгнал меня с работы. Так что я и моя семья на время решились источниками существования и жили на средства моей мамы. Я впрочем пристроился в сомнительный кооператив, которым заведовал некто Марк Гендлер, получивший в лихие 90-е годы пулю в лоб во время бизнес разборок. Заработал ли я какие то деньги в этом кооперативе, сейчас не могу вспомнить. Кроме того я слегка подрабатывал переводами на английский математических статей под руководством А.Б.Сосинского, что оказалось очень важным для моей будущей научной жизни. После учебы в спецшколе английский я знал лучше многих, но теперь на свои тогдашние переводы смотреть без смеха не могу.

Итак настал день защиты диссертации в МГУ в совете номер 2 по дифференциальным уравнениям. (Состав совета был постоянным.) Ничто не предвещало неожиданностей. За окном бушевала перестройка, и происходили важные и подчас трагические события. Одним из таких событий, которое косвенно повлияло на мою жизнь, были погромы армян в Азербайджане в 1988 - 1990 годы. Но в МГУ пока царила все та же затхлая рутина и бюрократия. Защита, насколько я сейчас в состоянии вспомнить, проходила сонно. Никто меня ничего не спрашивал и ничем не интересовался. Надо честно сказать, что и материал моей диссертации не был шедевром, хотя кое-что любопытное содержал. После доклада и нуля вопросов, я вышел в коридор, где меня ждали приятели по аспирантуре и семинару Арнольда Боря Хесин и Валя Овсиенко. Владо Костов, а также мой брат Миша, Алек Вайнштейн и Сережа Табачников.

Через какое-то время мне было сообщено, что я получил на один больше черных шаров, чем допускалось, и моя защита провалилась. Разъяренный Арнольд пробежал мимо. Кажется он мне ничего не сказал. Впоследствии он вышел из состава этого совета. Владо Костов утверждает, что я после получения сообщения о провале, сказал, что пора валить из этой страны. Но сам я это не помню.

Надо добавить, что я был не первый (еврей), кого провалили в те времена на защите в МГУ, но зато кажется последний.

По дошедшим до меня намного позднее и через третьи руки слухам, мой провал был довольно случайным, но все—таки не вполне. Члены комитета имели зуб на Арнольда за его поведение, а я попался им под руку. Во—первых, еврей, во—вторых, со стороны, в—третьих, моим оппонентом Арнольд тоже пригласил еврея Воловича, что было против существовавших неписанных правил игры. (По—видимому, к моему провалу не последнюю руку приложил профессор МГУ Ю.В. Егоров, который подсчитывал голоса и был в конфликте с Арнольдом. Удивительно, что этот функционер и член партии, одним из первых сбежал с мехмата на запад и некоторое время работал в университете г. Тулузы, что вызвало возмущение порядочных людей, знавших ему цену. Однако несмотря на это, он досидел во Франции до пенсионного возраста.) Покойный Анатолий Вершик, прочитавший предварительную версию этого текста за несколько дней до своей кончины, написал мне, что он присутствовал на моей защите, поскольку был

оппонентом другого аспиранта. Он и посоветовал Арнольду выйти из совета. Я горячо поблагодарил его за информацию, но ответа уже не дождался, поскольку он неожиданно скончался.

Как бы то ни было, мой провал был очень важным и чрезвычайно положительным событием в моей жизни и карьере, поскольку поставил все точки над И, а также позволил резко изменить направление дальнейшего движения.

Моя мама и жена Ульяна естественно готовили праздничный ужин в нашей квартире по поводу успешной защиты. Несмотря на мой провал, ужин состоялся, но естественно в несколько другом ключе. Мои приятели поехали со мной, чтобы меня утешить и разработать стратегию дальнейших действий.

Я не могу сказать, что пребывал в шоке. Скорее в недоумении. (Моя психика в серьезных ситуациях, типа вышеописанной, почему то блокирует эмоции, что позволяет мне функционировать, но каким— то причудливым способом.)

Во время ужина Валя Овсиенко сказал, что не то он сам встречался, не то до него дошел слух о том, что приехавший тогда в Москву из Стокгольма бывший советский математик Дмитрий Лейтес предлагает разным своим (в основном еврейским) математическим знакомым организовать быструю защиту в Стокгольмском университете, где он тогда работал. Такие вещи были совершенно немыслимы до перестройки, да и в тот момент представлялись чем-то из области ненаучной фантастики. Я лично Лейтеса не знал, но такой вариант естественно мне показался соблазнительным. Дожив почти до 33 лет, я, как и подавляющее большинство советских граждан, ни разу не выезжал из Советского союза.

От меня требовалось набрать на TeX-е текст новой диссертации и послать ее на пятидюймовой дискете не позже какого-то апреля в Стокгольм некоему, мне тогда не известному, Торстену Экедалу. Параллельно, я должен был оформить гостевую визу в Швецию по приглашению Д.Лейтеса, поменять разрешенные к вывозу 200 долларов, купить билеты на паром Хельсинки — Стокгольм и приехать в самом начале июня в Швецию. Каждый из этих шагов представлялся тогда сверхъестественным. У меня в тот момент даже загранпаспорта не было. К тому же в конце марта 1990 у меня с Ульяной родился сын Яша. И началась невероятная беготня по разным инстанциям, посольствам, билетным кассам и прочему.

Надо сказать, что в одном мне сильно повезло. В конце 89 и 90 годах мало у кого в Союзе был TeX. И уж совсем мало кто умел им пользоваться. Но поскольку я занимался переводами, то имел хотя и неудобный, но все таки доступ к нему. Естественно никакого персонального компьютера у меня не было и не могло быть, но на работе были персоналки болгарского производства. На них то я и набивал свой текст, но прогнать компилятор TeX-а не хватало компьютерной памяти. А без этого я бы вообще не мог даже и мечтать подготовить свою диссертацию. С грехом пополам я набил несколько статей и нарисовал от руки картинки. Помню, что прогонять TeX мне помог Саша Мерков, теперь живущий в Хайфе. У него был на работе выход на

большой компьютер, и он со мной сидел с этим пару вечеров. В итоге, хотя и с большим трудом мне удалось исправить самые грубые ошибки и записать текст диссера на дискету.

Самого последнего числа, про которое мне сообщил Лейтес, я прибежал на главное почтовое отделение Москвы и отправил эту злосчастную дискету неизвестному мне человеку по непонятному адресу, заплатив за это довольно немалое количество рублей. Советская почта только недавно стала массово принимать посылки в разные страны, и это уже не представляло опасности. Хотя мне было слегка за тридцать, но страх перед КГБ и прочими репрессивными органами во мне безусловно сидел после инцидента с изучением иврита в 1984 году, а также убийства руководительницы “еврейского университета” Беллы Абрамовны Субботовской.

Чудесным образом моя дискета дошла—таки до Торстена Экедала в Стокгольмский университет. Он ее распечатал, просмотрел по диагонали, и я получил добро на защиту. Лейтес прислал мне частное приглашение в Швецию, и после штурма шведского посольства и получения соответствующей визы, я закупил билет на поезд Лев Толстой в Хельсинки и на паром Силья лайн из Хельсинки в Стокгольм, где меня должен был встретить Лейтес.

Помню красное купе поезда и прибытие в Хельсинки 1 июня 1990 г. в 6 утра. В Москве тогда царил хаос, в магазинах не было ничего. Первое, что я увидел, выйдя на перрон вокзала в Хельсинки, был огромный лоток со всякими фруктами и ягодами типа бананов и клубники. Глаза полезли на лоб от удивления. Я прогулялся по Хельсинки, который меня удивил своей чистотой, и в 6 вечера сел на паром.

Слово “паром” для русскоговорящего человека означает старую ржавую посудину, которую обычно топят углем. Паром Силья лайн же был десятиэтажный лайнер, две палубы которого занимали магазины и танцплощадка. Я ехал один в каюте третьего класса без окон. Я решил шикануть и купил алюминиевую банку с кока—колой. Ни банок, ни кока—колы я до этого не видел. Газировку в Союзе покупали в замызганных автоматах, подставляя в дырку стеклянный стакан, который надо было еще помыть после предыдущего клиента. А тут и стакана не было и ставить его было некуда. Вместо этого выпала алюминиевая банка. Как ее надо было открывать, я сразу не понял. Роль колечка на крышке до меня не дошла. Я долго крутил ее и наконец пробил крышку металлическим штырем в душе каюты. В итоге рассерженная кока—кола облила меня с головы до ног, и выпить ее мне не удалось. Со временем, но не сразу я освоил, как такие банки надо открывать.

Лейтес меня встретил и поселил в своей маленькой квартирке на Бромме. В понедельник 4-го июня должна была состояться моя защита. Я пришел на департамент, где меня встретил профессор Ян—Эрик Рус и зазвал меня к себе в кабинет. Он достал какую-то желтую карточку и стал меня спрашивать, учил ли я такой или сякой предметы. На это ушло с полчаса, и бумажка была заполнена. Как я понял намного позднее,

он заполнил за меня список докторантских курсов, которые я якобы изучил в Стокгольмской университете. Обычно на прохождение этих курсов уходит примерно 2 с половиной года аспирантуры. Впрочем, я действительно почти все эти курсы изучал в МГУ, но он мне поверил на слово! Он выдал мне пачку копий моей диссертации, которую сумел — таки напечатать в типографии Торстен Экедал. (Эти копии долго у меня валялись в кабинете, но потом я их выбросил). По местным правилам основное действующее лицо на защите диссертации — это оппонент. Так что Торстен, который по совместительству был также оппонентом, вкратце изложил для комиссии содержание моих каракулей намного лучше, чем я бы сам мог это сделать. Я ответил на небольшое количество вопросов, и защита была закончена. Я провел в Стокгольме еще с неделю, ожидая получения диплома. В какой-то момент я еще подписал некую бумажку на шведском языке, содержание которой тогда для меня осталось тайной. Впоследствии оказалось, что я подписал заявление на позицию постдока в Стокгольме на через год. Это потом и спасло меня и мою семью, позволив переехать в Швецию, после того как работа в США закончилась, и никакой новой я не нашел. Железный занавес вскорости упал, и на запад рванули из Союза и других стран восточной Европы все, кому не лень. Я же вернулся в середине июня в Москву уже доктором философии. (Я долго думал, что шведы меня защитили только из сочувствия к ситуации. Оказалось, впрочем что это было не вполне так, поскольку за каждую защиту департамент также получал от университета приличные деньги).

Параллельно с историей защиты в Стокгольме происходило следующее. Арнольд впервые после 60-х годов выехал за границу. Хотя он со мной ни разу не обсуждал происшедшего, да и вообще не так уж много мне уделял времени, по — видимому, не слишком высоко оценивая мое научное дарование, он оказал мне неоценимую услугу, найдя для меня временную работу в США, без которой я бы никогда не покинул любимую родину. А именно, не ставя меня в известность, он поговорил на какой-то конференции с Питером Орликом, американским математиком и евреем венгерского происхождения, который был специалистом в области, смежной с одной из моих тем. Питер, которого родители вывезли после венгерских событий 1956 года в Норвегию, проникся ситуацией и организовал для меня годовую позицию визитера в университете г. Мэдисона штата Висконсин. Администрация университета подготовила документы на оформление J1-визы, которые пришли ко мне в апреле домой заказной почтой. Все это естественно казалось мне чем-то абсолютно нереальным. Как замороженный, я долго и тупо разглядывал эти бумаги. Защита в Стокгольме была совершенно необходима для поездки в США, поскольку меня туда брали только в случае ее успеха.

Наше общение с Питером Орликом происходило следующим образом. Он мне прислал свой номер телефона, и я ему звонил по ночам. Почему по ночам? В 90-м году, чтобы позвонить за границу, надо было сначала набрать общий для всего Советского Союза номер коммутатора 8-10, чтобы выйти в международную линию. Потом, если очень повезло, и ты таки вышел в линию, надо было набирать нужный заграничный номер. Номер 8-10 был всегда занят. Единственная возможность пробиться была звонить поздно ночью. Так

что я, как сумасшедший, крутил диск моего домашнего телефона с двух до трех ночи, и обычно минут через 40 мне удавалось дозвониться. Питер же дозвониться до меня вообще не мог и отстреливался телеграммами. По моему, это был единственный период в моей жизни, когда я получал телеграммы.

Как уж мне с Ульяной удалось попасть на интервью в посольство США сейчас не помню, но помню, что туда рвались тысячи людей, заполнивших анкеты на иммиграцию по еврейской и прочим линиям. В частности, там проходили интервью бакинские армяне, сбежавшие после погромов в Москву, и ютившиеся там в ожидании разрешения на иммиграцию в “золотую страну”. Нам сильно повезло с американским посольством по следующей странной причине. По требованию Израиля, США перестали принимать анкеты от людей, которые собирались уехать туда по израильской визе. Очереди в американское посольство резко уменьшились, и нам удалось проскочить.

Я очень боялся, что с нас потребуют разрешение на выезд Любы, дочери Ульяны от первого брака, от ее отца. Но произошло одно из многочисленных чудес, свидетелями которых мы оказались в том период. Поскольку выезд был на временную работу, посольство США не потребовало этого разрешения. (В тот момент бывший муж ни за что бы не отпустил Любу, и выехать на ПМЖ нам бы просто не удалось.)

Получив в какой—то момент визу J1 в США, я конечно очень обрадовался, но не тут то было. Из Советского Союза тогда можно было уехать только по частному приглашению. Никаких знакомых в США у меня тогда естественно не было и быть не могло. Но произошло очередное чудо. Откуда ни возьмись после 12 лет отсутствия в Москву приехал мой бывший одноклассник Боря Гринфельд, который отчалил в 1978 году в Израиль. Как выяснилось, пройдя в Израиле военную службу, он крестился и переехал в Нью—Йорк, где и работал в Лиман брозерс на Уолл стрит. Он сжалился надо мной и помог оформить приглашение. Уже не помню подробностей с получениями разрешения на выезд в ОВИРе.

Но, естественно наши проблемы на этом не закончились. Встал следующий вопрос — покупка авиабилетов в Америку. Тут как раз на нашей сцене и появляются бакинские армяне. В те времена, как из Союза так и в Союз, летал только Аэрофлот. И только в Нью Йорк и Сан Франциско из городов США. Билетов не было в принципе. Надо было записаться в очередь и перекликаться ежедневно, чтобы ее не потерять. Якобы происходила какая-то жеребьевка, и счастливицы шли в кассу и покупали авиабилеты. Очередь вели как раз те самые бакинские армяне, бежавшие в Москву, и ожидавшие интервью в посольстве США. Как выяснилось впоследствии, они при этом организовали неплохой бизнес. Когда я записался в эту очередь в апреле 1990 г., мой номер очереди был около двух тысяч. Я ходил отмечаться ежедневно в течение около полугода, но мой номер так и не выпал. По плану мы должны были вылететь в США не позднее 1 сентября 1990 г., поскольку я должен был уже начинать преподавание. Настало 1 сентября, но мой номер так и не подошел. После переключки я в полном отчаянии приблизился к двум армянам, которые держали список, и сказал, что мне позарез нужны

билеты. Т.е. действительно ПОЗАРЕЗ. Не моргнув глазом, они ответили, что если я готов заплатить дополнительно три раза стоимость билетов и могу принести деньги завтра, то меня выкликнут послезавтра. Договорились встретиться завтра вечером на станции метро Спортивная.

Один билет стоил примерно 1500 рублей. Это было еще до того, как рубль ушел в свободный полет относительно доллара. Мне нужны были 3 билета плюс какая—то доплата за младенца Яшу и еще в три раза большая сумма взятки. Итого примерно 18000 рублей. Таких денег у меня не было! А достать их надо было до завтра. Естественно произошло очередное чудо. Я позвонил своему другу Семену Элимелуху, который был совладельцем кооператива Гендлера, и ожидал отъезда в Австралию. (Как ему и некоторым другим знакомым удалось пробить отъезд из Союза в Австралию — это отдельная история, которую, я надеюсь, они сами расскажут).

Денег при отъезде можно было поменять довольно ограниченное количество, не помню сейчас сколько. Так что у Семена был большой переизбыток рублей. Мы договорились, что я по приезду в США переведу соответствующую сумму в долларах его родителям, которые недавно улетели из российской провинции к его сестре в Сан Франциско. Кроме того Ульяна должна была вывезти на себе какие-то реликтовые серьги, которые таможня иначе не пропускала. Я получил в авоське тысяч двадцать рублей в бумажном пакете и счастливый побежал домой. На следующий день мы встретились в метро, как шпионы из советского кинофильма, и я наивно отдал им авоську с деньгами. И таки произошло чудо! На следующий день мой номер выкликнули, и я стал счастливым обладателем билетов в Нью—Йорк на рейс Аэрофлота на пятницу 7 сентября 1990 г.

Я сразу связался с Борей Гринфельдом и слезно упросил его нас встретить в аэропорту Кеннеди, а также купить нам билеты из Нью—Йорка в Мэдисон. Боря мне заявил, что конечно мы не прилетим, и он напрасно выбросит деньги на ветер, но обещал—таки купить билеты.

Я не помню, как мы собирались, но помню, что у нас с собой было 4 маленьких синих чемоданчика, купленных в киоске на улице. Сыну Яше было около 5 месяцев, Любе 7,5 лет, Ульяне 30, а мне 33 года. Рейс был с двумя промежуточными посадками в Лондоне и где—то на востоке Канады и должен был занять около 13 часов. Нас посадили на передние места, и Яша начал кричать. Он не переставал кричать на протяжении всего полета, к концу которого он издавал какие-то странные булькающие звуки. Когда мы прилетели в Хитроу, одна из пассажирок (из Узбекистана) сошла и потерялась в аэропорту. Рейс задержали еще на несколько часов, пока ее наконец не нашли. Итого вместо 13 часов, мы летели часов 16 и прилетели в JFK около 12 ночи. Очередь на паспортный контроль была бесконечной. Когда мы наконец вышли в зал ожидания, Бори Гринфельда я не увидел. Не могу адекватно передать мои ощущения... Что делать? Садиться в самолет и лететь назад? После всех усилий? Мы были абсолютно мертвые как физически так и психически. Еще минут через 10 в толпе встречавших мелькнул загорелый Боря в шортах и потащил нас в свой ржавый и огромный трак. И мы вдарили на скорости 70 миль в час по ночному Нью—Йорку.

Гринфельд над нами подшучивал, но нам было не до смеха. По дороге примерно в 2 ночи мы еще заехали в какой-то супермаркет и закупили еды. Я уже больше физически не мог удивляться происходящему.

Утром следующего дня Боря отвез нас в Лагвардию и посадил на самолет в Мэдисон. Еще часа через 3 мы приземлились в штате Висконсин. Нас встречал Орлик с еще кем-то из департамента на двух больших минивэнах. Его очень поразило, что семья с двумя детьми приехала в США на год с 4 малюсенькими чемоданчиками, в которых реально поместились все наши пожитки. Коллега уехал пустой, а мы в машине Орлика поехали в снятую им для нас квартиру, в которую он стащил какую-то старую мебель. Он сунул мне в руки толстый учебник линейной алгебры, и мы с ним поехали в ближайший молл, чтобы закупить еды. Меня привело в замешательство количество сортов молока, сыра, и прочих продуктов. В Союзе тогда был максимум один вид каждого из них. Сгоряча я купил 2 галлона молока разного цвета, не понимая, что это более не менее одно и то же. Питер Орлик интеллигентно промолчал и отвез меня домой.

В полном шоке мы остались одни в 3 комнатной квартире. У нас никогда не было собственного жилья, а тем более стольких комнат. На полу был грязноватый ковер, а на потолке не было люстр. Освещение было от напольных светильников...

На следующий день я сел на автобус и поехал на департамент. В мыле я нашел аудиторию, в которой я должен был преподавать линейную алгебру студентам первого курса. Я открыл дверь и вошел в нее. На меня с любопытством смотрело человек тридцать американских студентов. Я открыл рот и начал первое в моей жизни занятие в роли преподавателя, и к тому же по-английски.

Это и было началом новой жизни ...

Вместо эпилога

Иногда всплывают в голове такие вопросы, - "Ну и что же произошло за эти более чем 30 лет? Стоило ли, в конечном итоге, уезжать?"

У меня нет сомнений, что в моем конкретном случае отъезд был очень правильным решением. Хотя, в целом, я не считаю, что иммиграция всем показана. Знаю немало конкретных ситуаций, когда люди так и не смогли адаптироваться к жизни в другой стране. Но и в России многие не пережили перемен в прямом или переносном смысле. В девяностые годы было абсолютно очевидно, насколько жизнь в Швеции лучше российской, включая Москву. Потом по миру стали растекаться новые русские, размахивая своими наворованными миллионами. Вдруг появилась категория прежних соотечественников, которым денег совсем некуда было девать. Сейчас новые русские разного пошиба представляют колоритную часть социума разных стран мира от Черногории и Кипра до Великобритании и США. Колоссальное расслоение российского населения по доходам стало уже абсолютно

привычным в этой стране, “построившей” развитой социализм в 70е годы. Где бы я был в этой пирамиде, если бы не уехал, точно сказать нельзя. Но подозреваю, что далеко внизу, поскольку, хотя энергия у меня была, а вот деловой хватки не было никогда. А то может быть и на том свете был бы уже, как некоторые бывшие знакомые.

Не могу сказать, что город-герой Стокгольм - это рай на земле. Особенно в последнее время он стал куда более запущенным и чужим мне местом. Около центральной станции бродят в большом количестве многочисленные личности непонятного этнического происхождения. Центр Москвы теперь вылизан лучше центра Стокгольма, что раньше невозможно было себе помыслить. Но в целом, Стокгольм по-прежнему, приятным и домашний город разумных размеров. Правда за последние 15 лет цены на жилье в городе выросли в 3 раза, спасибо за это правому правительству, устроившему приватизацию жилья. Трудно себе представить, какие деньги умелые люди смогли на этом нажить...

П.С. Последние два параграфа были написаны мной еще до начала войны. Она все расставила на свои места. Сейчас моя дочь от первого брака и ее дети уехали из Москвы в Израиль. Не думаю, что после этого мне когда-нибудь захочется вернуться в город моего детства.